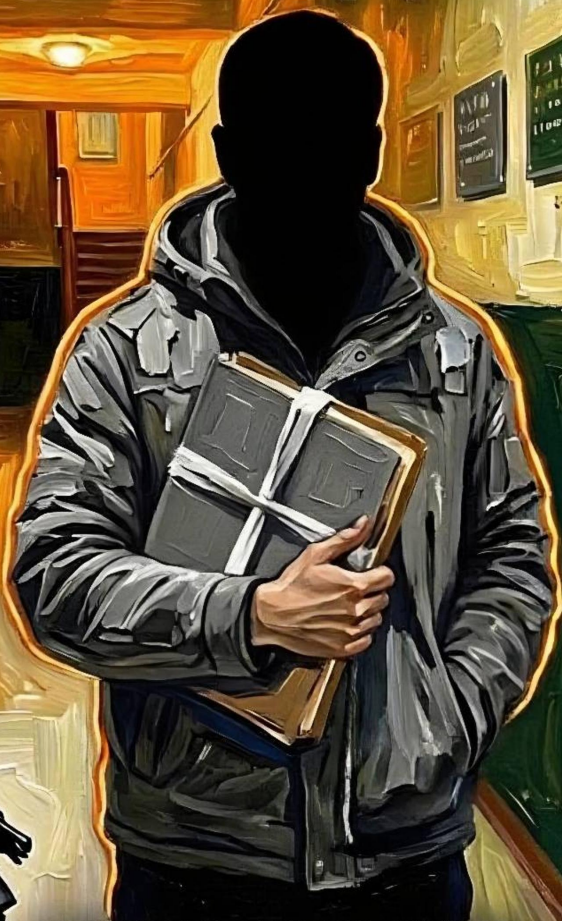

САЛЬДО

ОКСАНА СИРОТКИНА

Оксана Сироткина
Сальдо
Серия «Графа "Иное"», книга 3

<https://litres.ru/74674249>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эдуард Малов одиннадцать лет работает в отделе «Прочие» и ни разу не спросил, чьи остатки оформляет. Но квартальная сводка не сходится на единицу, срок до среды, а у Сальдо, которое считает всё, есть правило: если минуса нет, оно спишет то, что ближе.

Ближе всего оказываются двое. Сотрудница ЗАГСа, которая приняла чужую единицу без всякого бланка. И старик с четвёртого этажа, который семнадцать лет ждёт ответного хода в шахматной партии. Малов впервые выходит из отдела с жёлтыми бланками, мандариновой коркой в кармане и вопросом, на который в графах нет места.

Третья книга серии «Графа «Иное»», читается отдельно. Сухая и тёплая повесть о системе, которая оформляет всё на свете, и о человеке, которому впервые приходится вписать что-то своей рукой.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Сальдо

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Остатки

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Опись

«40 117. Не отправлено письмо. Ближайший: адресат. Статус: ожидает».

«40 118. Обещано зайти в субботу. Ближайший: сын. Статус: суббота прошла».

Из описи отдела «Прочие»

Отдел «Прочие» находился в конце коридора. Какого именно, зависело от того, с какой стороны идти: от лифта это был третий коридор налево, от лестницы правое крыло, которого на плане здания не значилось. Малов ходил этой дорогой одиннадцать лет и ни разу не заблудился, потому что не смотрел по сторонам. Смотреть было не на что. Двери, жёлтая краска до пояса, выше побелка, таблички: «Горсвет (не принимает)», «Архив водоснабжения», «Канцелярия 3, закрыта». Иногда табличка менялась. Малов отмечал это про себя и шёл дальше, потому что коридор всё равно приводил,

куда надо.

Была среда, начало девятого, март. На лестничной площадке за окном шёл снег, густой, косой, из тех, что липнут ко всему, что стоит. Малов остановился на минуту, как каждое утро, и посмотрел, как снежинки ложатся на наружный подоконник и остаются лежать. На рукаве его серого пуховика не было ни одной. Он провёл по рукаву ладонью, проверяя, и пошёл дальше. Он знал об этом лет десять и не обсуждал: обсуждать было не с кем.

Шёл он тихо. Вахтёр внизу за одиннадцать лет ни разу не поднял головы, хотя Малов каждый раз говорил «доброе утро». Дверь отдела тоже открылась без скрипа, и никто не обернулся. В «Прочих» не оборачивались на входящего: входящий и так уже здесь.

Комната была одна. Четыре стола, шкаф до потолка с папками на тесёмках, чайник старше Малова и окно во дворколодец, где время суток всегда стояло одно и то же, около четырёх.

Столбов Аркадий Петрович, начальник, сидел в углу под лампой и разбирал почту. У него были седые усы, пиджак с кожаными заплатами на локтях и один ответ на все вопросы. Спросишь, будет ли премия, он скажет: «По описи не предусмотрено». Спросишь, который час, скажет: «По описи без четверти».

Нелли Кузьминична, делопроизводитель, круглая, в вязаной кофте, у которой каждую неделю появлялась новая пу-

говица, не подходившая к остальным, вела журнал выдачи и заваривала чай. Чай у неё был в трёх видах: крепкий для начальства, средний для оформителей и слабый для Малова, потому что Малов крепкого не пил.

Шелест, старший оформитель, говорил только шёпотом. Раньше он говорил как все, но однажды на совещании сказал «категорически нет», и во всём крыле выбило пробки. С тех пор Шелест шептал, и пробки держались.

Малов повесил пуховик на крючок под номером девять. Рядом висели чужие куртки, мокрые, с растаявшим снегом на плечах. Шелест взглянул на сухой пуховик и отвёл глаза: в отделе давно сошлись на том, что этого никто не замечает.

* * *

В восемь пятнадцать Столбов читал опись.

Опись была списком остатков, которые за ночь легли в приёмный ящик. Ящик стоял у двери, деревянный, с прорезью, и каждое утро в нём оказывалось всё то, что накануне не уместилось в городе ни в одну графу. Столбов зачитывал номер, суть, ближайшего и статус. Нелли Кузьминична ставила против каждой строки птичку карандашом. Шелест шептал: «Принято». Малов слушал и отмечал в своём журнале то, что попадало на его участок: юго-запад, районные ЗАГСы, две поликлиники, школа.

Он любил опись. В ней всё было названо, и поэтому лежало на месте.

— Сорок тысяч сто семнадцать, — читал Столбов. — Не

отправлено письмо. Ближайший: адресат. Статус: ожидает.
— Чего ожидает? — прошептал Шелест.
— Адресата. По описи.
— Сорок тысяч сто восемнадцать. Обещано зайти в субботу. Ближайший: сын. Статус: суббота прошла.
— Сын мог бы и позвонить, — сказала Нелли Кузьминична.
— Звонок в опись не входит.
— Сорок тысяч сто девятнадцать. Недопитый чай, кухня, третий этаж. Ближайший: сожитель. Статус: остыл.
— Остыл, — прошептал Шелест, — это не статус.
— Статус, раз записан, — сказал Столбов.
— Сорок тысяч сто двадцатый. Начатое вязание. Ближайший: внучка. Статус: петля спущена.

Нелли Кузьминична посмотрела на свою кофту и промолчала дольше, чем требовала опись.

Это был обычный день. Малов отметил, что ни одна из этих четырёх строк не его, и приготовился слушать дальше, но Столбов замолчал. Усы у него шевельнулись.

— Сорок тысяч сто двадцать первый, — сказал он медленно. — Иное. Единица. Квартальная сводка, районный ЗАГС, юго-запад. Вписана... — он поднёс бумагу к лампе, — чернилами.

В комнате стало слышно, как остывает чайник.

— Чернилами, — выдохнул Шелест, и в шёпоте у него было больше уважения, чем он обычно позволял себе.

В «Прочих» писали карандашом или шариковой ручкой. Карандаш стирался, шариковая зачёркивалась, и остаток, записанный ими, можно было переоформить, перенести, в крайнем случае списать. Чернила не списывались. Чернилами писали только те, кто знал, что пишет навсегда: за три-четыре года в ящике оказывалось одно такое, да и то по пустяку, вроде расписки на мелкую сумму.

— Единица в графе «Иное», — повторил Столбов. — Погрешность у них вписывают карандашом, а эту записали ручкой, которой не ошибаются.

— Чья рука? — спросил Малов.

— Лопатина М. В. Сотрудница ЗАГСа, стаж восемнадцать лет. Ошибок не имеет.

— Не имеет ошибок, — повторила Нелли Кузьминична, и это прозвучало как диагноз.

— Юго-запад ваш, Эдуард Игоревич. Оформляйте.

— Основание?

— Единица.

— Какая единица?

— Никакая, — сказал Столбов. — Число без человека не бывает. Поищите, за кем она числится.

— Участок на троих, — прошептал Шелест.

— По описи один, — сказал Столбов и перевернул лист.

* * *

Нелли Кузьминична выдавала всё под роспись.

Она открыла журнал, надела очки, которые всегда висели

у неё на цепочке, и стала выкладывать на стол по одному, называя вслух: папка картонная, одна. Тесёмки, две. Бланк уведомления, жёлтый, с красной рамкой, один, на ближайшего. Бланки хранились отдельно, в запёртом ящике, и ключ от него был только у неё. Она вынимала их по одному, придерживая ладонью, чтобы не загнулся угол.

— Стержень, — сказала она. — Пустой сдайте.

Малов достал из кармана шариковую ручку, ту самую, с которой ходил весь квартал, и положил на стол. Нелли Кузьминична посмотрела на свет сквозь прозрачный корпус и убедилась, что внутри пусто.

— Сдан пустой, один. Выдан синий, шариковый, один. Расписывайтесь.

Он расписался новой. Подпись у него была мелкая, круглая и каждый раз получалась чуть другой, потому что шариковая ручка не для того, чтобы подпись держалась. Нелли Кузьминична закрыла журнал и придвинула к нему стакан в подстаканнике.

— Пейте.

— Я потом.

— Потом остынет.

— Я знаю.

Он взял стакан и отпил половину. Остальное осталось на краю стола, где оно, как знал Малов и как знала Нелли Кузьминична, будет остывать до вечера. Она вылила бы его вечером и на следующее утро налила бы снова. Ни разу за один-

надцать лет ни один из них не сказал об этом другому.

— Юго-запад, — сказала она, глядя на карту, которая висела над её столом. Там, где по карте был ЗАГС, торчала красная кнопка. — У них же сегодня регистрации.

— Знаю.

Он знал. Расписание регистраций висело на сайте каждого районного ЗАГСа, и Малов читал его раз в неделю, как читают прогноз погоды в городе, где не живут. Сегодня в четвёрнадцать ноль-ноль. Одна. Зал наверху, Мендельсон.

— Вы бы заглянули, — сказала Нелли Кузьминична.

— Не положено.

— Я не сказала: зайти. Я сказала: заглянуть. — Она поправила очки. — Заглянуть по описи можно.

— По описи, — сказал Столбов из угла, не поднимая головы, — можно всё, что не запрещено.

Малов промолчал. Он разложил на столе всё, что ему выдали, и сделал то, что делал всегда: открыл папку, положил внутрь бланк и копию сводки, которая пришла в ящике вместе с остатком. Копия была обычная, серая, с мелкой таблицей, и в графе «Иное» стояла единица. Он положил на неё палец. Чернила были сухие, хотя вписали их накануне вечером. Холодные, как бывает у тех, что навсегда.

Он завязал тесёмки. Узел получился, как всегда, двойной.

— Эдуард Игоревич, — сказала Нелли Кузьминична.

— Да?

— Шарф.

Он стоял в дверях, без шарфа, с папкой под мышкой. Нелли Кузьминична встала, обошла стол, сняла шарф с крючка под номером девять и намотала ему на ше

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.